

торых главную роль снова стало играть происхождение, а не ценз, наносило ему дополнительный удар.

✓ Таким образом, ко времени домината античный город из коллектива самоуправляющихся граждан-землевладельцев с гарантированной свободой и равенством, хотя бы принципиальным, политических и экономических прав превращается в конгломерат слабо связанных между собою корпораций и индивидов, подчиняющихся центральному правительству или насильно удерживаемых в рамках муниципальной организации, в которой распоряжается небольшая верхушка местной знати¹⁹. Этот город утрачивает черты общины, которые были присущи городу, базировавшемуся на античной форме собственности, и вместе с тем еще не обретает свободы от тех рамок, которые для прежней его структуры были естественны, для новой же стали обременительным анахронизмом.

Упадок городов был вызван в первую очередь кризисом античного рабовладельческого способа производства, зашедшего в тупик, разорением муниципальных собственников и ростом крупного землевладения, которое, будучи несовместимым с чисто рабским трудом, предполагало сочетание крупной собственности с мелким хозяйством более или менее зависимых земледельцев. Поэтому параллельно с деградацией муниципального строя на передний план выдвигаются и укрепляются те уклады, которые давали наибольший простор развитию соответственных отношений, а именно экзимирированные салтыусы и свободные или зависимые от земельных магнатов общины. Ярким признаком того было прекращение возникновения новых городов и, напротив, умножение числа сел на государственных и частных землях. С начала III в. правительство, изменив свою прежнюю политику, все более учитывало и охраняло права общин²⁰, что вызывалось не только фискальными соображениями и выгодами, даваемыми круговой порукой, но и насущными потребностями мелкого сельскохозяйственного производства. Оно могло функционировать лишь при наличии общинных угодий, координации работ, взаимопомощи в трудоемких работах и приобретении дорогого инвентаря, а все это требовало усиления власти общинного самоуправления, права общинников принимать или устранять новых сочленов и т. д. Возрастание числа общин, как и числа крупных салтыусов, вело к натурализации хозяйства, автаркичности этих производственных ячеек, ослаблению экономических и усилению политических бюрократических связей, т. е. создавало предпосылки к тому развитию деспотического государства, которое обычно именуется «ориентализацией империи». Как известно, самоудовлетворяющиеся общины и имения слабо связаны друг с другом экономически, и могут быть объединены только политической властью, что и служит базой «восточного деспотизма»²¹. Позднеримское государство, выросшее на этой основе, пыталось вместе с тем сохранить как общину и город. К тому клонились такие меры, как введение круговой поруки за выполнение повинностей и обработку пустующих земель, прикрепление куриалов к их статусу и т. п. Однако, поскольку фактически город уже черты общины утратил, попытки эти были обречены на неудачу.

К тому же искусственная консервация городов в античном смысле этого слова тормозила развитие отношений, более отвечающих сложившимся условиям и дававших больший простор возможному прогрессу.

¹⁹ Процесс перехода власти в руки городской олигархии показан для Греции в кн.: *О. В. Кудрявцев*. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке н. э. М., 1954, стр. 156—204; для Африки — в кн.: *Г. Г. Дилигенский*. Северная Африка в IV—V веках. М., 1961, стр. 40—148.

²⁰ Dig., X, 1, 7; 3, 7, 1; 4; Cod. Just., III, 37, 1, 1; X, 14, 2; *E. Levy*. West. Roman Vulgar Law. Philadelphia, 1951, p. 119; *E. Kaser*. Das römische Privatrecht. München, 1955, Bd. I, S. 344.

²¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 312; ср. т. 25, стр. 266—267.